

В тени крыла Воронова

Тем, что живем и учимся в цветущем городе, мы обязаны этому героическому племени

В ПРОШЛОМ субботнем номере мы завершили публикацию писательских мемуаров нашего земляка Николая Воронова, живущего в Переделкине. Сегодня «ММ» представляет на суд читателей очерк о нем, написанный магнитогорцем Игорем Варламовым (на фото вверху), который теперь живет и работает в Москве.

Внеклассное чтение

В 70-х годах я учился в Магнитогорске в средней школе. Помню, раз в несколько месяцев в наш пионерский класс приходила сухонькая старушка в длиннополом габардиновом жакете, накрахмаленной белой блузе, с пучком седых волос на затылке, со смешным ридикулом в руках. Дежурный тут же выбегал в коридор и загонял загулявших на перемене:

– Быстро! Быстро в класс! Строительница пришла.

Действительно, это была «строительница», а вернее, первостроительница. Первостроительница Магнитки. Так с самого начала нашего знакомства представлялась эта пожилая женщина с коричневым, изрезанным морщинами лицом. Мы усаживались за парты и, затаив дыхание, слушали рассказ о том, как в степи зарождался наш город. Как на всесоюзную комсомольскую стройку со всех краев нашей необъятной Родины приезжали полные задора ребята и девчата. Комсомольцы-первостроители Магнитки! Те, которым в городском сквере установлен памятник. И тем, что живем и учимся в нашем цветущем городе, мы обязаны этому героическому трудовому комсомольскому племени...

На самом деле, конечно, все было не так однобоко. Город и металлургический комбинат строили далеко не одни комсомольцы, приехавшие по зову сердца. Тут были и крестьяне, ушедшие на стройку из своих разоренных, погибающих от голода конца 20-х – начала 30-х годов деревень, и специалисты, командированные с других промышленных предприятий, и завербованные советские граждане, и иностранные инженеры, рабочие сложных специальностей, и бывшие заключенные, и авантюристы разных мастей, и, конечно, репрессированные.

Ни для кого сейчас не секрет, что к месту стройки свозили в теплушках под конвоем тысячи «классовых врагов» – вчерашних зажиточных крестьян, священнослужителей, их домочадцев. Но нас, советских школьников, берегли от этой суровой правды учителя и старшие товарищи.

И не воздвигнут в Магнитогорске памятник строителю-спецпереселенцу, репрессированному, раскулаченному. И не было в планах внеклассного чтения романа Николая Воронова «Юность в Железнодорожье». Да и не могло быть, поскольку сам роман был «репрессирован».

А ведь Железнодорожском писатель Воронов называет именно Магнитогорск. И роман его автобиографичен, детально подробен, топографически точен, документален, по нему можно – и должно! – изучать историю родного города. Мы не изучали. Изучают ли сегодняшние магнитогорские школьники?

От Золотой Сопки до Магнит-горы

Николай Павлович Воронов родился 20 ноября 1926 года на станции Золотая Сопка, что под Троицком, в Челябинской области. Отец его, Павел Анисимович, происходил из запорожских казаков. Дед писателя, Анисим Михайлович, приехал на Южный Урал из Полтавской губернии в начале XX века, во время столыпинских реформ. Павел Анисимович был железнодорожным рабочим, партийным активистом, принципиальным до крайности человеком. В начале 30-х его, двадцатипяти-тысячника, назначили председателем колхоза. Двадцатипяти тысячами называли тогда передовых рабочих, мобилизованных партией на коллективизацию сельского хозяйства. Мать Николая Воронова, Мария Ивановна, была дочерью оренбургского казака Ивана Коновалова, погибшего в годы Гражданской войны.

У отца был непростой, жесткий характер. Николай Павлович рассказывает:

– Жили в Браиловке, откуда переехали в Кизил, где моего отца избрали председателем колхоза. Поначалу наше существование запомнилось мне как обеспеченное. Мама заведовала детским садиком. О детсадовцах правление заботилось исключительно, и мама, по возможности, помогала многодетным нуждающимся соседям. За прием в детский садик детей подкулачников отец и его правление лишили маму работы. Партийные власти выгребали и выколачивали все возможное. Население Кизила пухло и умирало. Начали пухнуть и мы с мамой. Тревога, что и мы скоро умрем, вынудила напомнить мужу и отцу о смертельной угрозе, придвинувшейся к нам. Он уже высох от недоеданий, тревог, противодействия властям и сказал на мамины слова, что и мы умрем, что особых условий для нас не может создать. Он был насквозь самопожертвенным коммунистом.

После этого в 1931 году Мария Ивановна с пятилетним Колей решается уехать от мужа на строительство города и завода у Магнитной горы. Мать с сыном поселяются в одном из рабочих бараков. Через некоторое время на Магнитострой приехал и Павел Анисимович. Но семейная жизнь так и не сложилась, родители Коли развелись. Возможно, это была первая трагедия в жизни будущего писателя, ведь мальчика очень тянуло к отцу. Но отец с годами все больше отдалялся, почти не уделял сыну внимания.

Любовь к матери Николай Пав-

лович пронес через всю жизнь. Ее доброта, забота, справедливость формировали характер мальчика, оберегали от неверного шага в пору взросления. Образ матери встречается во многих произведениях Воронова.

Коля учился в школе-семилетке. Дисциплиной и особым прилежанием, как и многие пацаны из рабочих бараков, не отличался. Гонял голубей, любил рыбалку. Пробовал бродяжничать, мечтая о путешествии в далекую сказочную Индию. Мечта станет былью через много-много лет. А еще этот неугомонный мальчуган пристрастился к чтению, ходил в библиотеку. Тогда же, в далеком детстве, сочинил свои первые стихи.

Предгрозовые школьные годы. Потом началась война. Отцы и старшие братья ушли на фронт. Вчерашние пацаны быстро повзрослели, заменили на производстве ушедших на войну. В 1942 году после школы-семилетки Николай Воронов поступает в ремесленное училище № 1. В 1944-м он уже рабочий человек: принят на металлургический комбинат на должность электрощитового доменной подстанции. Вспоминая те годы, Николай Павлович рассказывает, в каких условиях приходилось работать:

– Колошниковый газ, просачиваясь сквозь железобетонный пень домны, проникал по кабельному тоннелю в помещение электроподстанции, где я дежурил восемь часов кряду. Нас, старшего щитового Вячеслава Михайловича Боголюбова и меня, считалось, спасают рекомендованные медиками выходы из подстанции: каждые пять минут – на свежий воздух. А воздух-то был полон смога, замешанного на ядовитом дыхании домен, коксохима, мартенов, электростанций. Куда податься? А некуда. Идет война, учиться нашей специальности самое малое год, и нечем нас заменить.

Призвание – литература

Чтобы получить аттестат о среднем образовании, Николай Воронов учится в школе рабочей молодежи.

Детские забавы, мальчишеская бесшабашность остались в прошлом. Николай постепенно начинает понимать, что его призвание – литература. Но он еще не осознает в полной мере, что такое писательский труд. Сочиняет стихи, пробует писать рассказы. Живое слово завораживает юного литератора. С раннего детства он впитывал в себя казачий говор своей бабушки, богатую народную речь обитателей барака, язык улицы, городской толкучки, извечных очередей.

В 1946 году Николай Воронов поступает на литературный факультет Магнитогорского педагогического института, но, проучившись два курса, бросает, уезжает в Москву, чтобы учиться в Литературном институте им. А. М. Горького. На творческий конкурс он представляет свои рассказы и пьесы, эссе «Что такое поэзия?», анализ романа Федора Гладкова «Цемент». В 1948 году абитуриент Воронов зачислен в Литинститут на отделение прозы.

Годы учебы в Литинституте были для Николая Павловича Воронова порой накопления творческого опыта, становления как писателя. Он с жадностью слушает лекции профессоров, посещает творческие семинары классиков советской литературы Валентина Катаева и Константина Паустовского. Молодой прозаик учится у своих товарищей, вырабатывает собственный почерк, много пишет. Первая часть повести «Испытание на прочность» стала его дипломной работой. Тогда же, в студенческие годы, он вступает в КПСС.

После окончания Литинститута в 1952 году Николай Павлович вернулся в Магнитогорск. Год спустя появилась его первая значительная публикация: в альманахе «Молодая гвардия» напечатан рассказ «Обида». Гонорар – довольно большие по тем временам деньги – молодой автор потратил на подарки родным. С 1954 по 1959 год Николай Павлович Воронов руководил Магнитогорским городским литературным объединением.

Очень значимым в судьбе прозаика стал 1956 год: в Свердловске выходит его книга рассказов «Весенней порой», Николай Воронов участвует в III Всесоюзном совеща-

нии молодых писателей, его, тридцатилетнего, принимают в Союз писателей СССР. На творчество Воронова обращают внимание издательства и литературные журналы. В 1961 году «Знамя» публикует рассказ «Человек-эхо», а годом позже в «Молодой гвардии» печатают рассказ «Гудки паровозов». За десятилетие активной творческой жизни в издательствах Москвы, Свердловска, Перми, Челябинска у Воронова выходит шесть книг.

Земляк и давний друг Николая Павловича, а вместе с тем мой учитель и наставник на Высших литературных курсах, известный советский и российский поэт Валентин Сорокин, вспоминая то время, говорил, что книги Воронова несли в себе правду, на которую тогда редко кто отваживался. И правда эта выходила боком. Молодой писатель попал в поле зрения КГБ. Магнитогорские и челябинские «комитетчики» перлюстрировали вороновскую переписку и прослушивали телефон.

В те годы заболели жена и сын Николай Павловича, и врачи настоятельно рекомендовали уехать из Магнитогорска. В 1963 году семья переезжает в Калугу. Воронова избирают ответственным секретарем Калужской областной писательской организации. Он проводит здесь творческие семинары, литературные встречи, выступает за возрождение Оптиной пустыни, организует чтения Чичевского и, конечно, продолжает много писать. В 1969 году Николай Павлович переехал в Москву, потом – в писательский поселок Переделкино, где живет по сей день.

За долгую творческую жизнь Николай Павлович издал более тридцати книг, многие из которых переводились на английский, немецкий, китайский, греческий, польский, чешский, венгерский языки. Воронов обращался к жанрам антиутопии и фантастики, писал стихи и поэмы, очерки, эссе. С недавних пор Николай Павлович самозабвенно пишет мемуары, и уж, надо сказать, ему есть что вспомнить... ☞

Окончание – в № 117

Высшее торжество для писателя в том, чтобы заставить мыслить тех, кто способен мыслить. Эжен ДЕЛАКРУА